

Водопад

Es muss sein

«КОГДА КОМУ-ЛИБО случается встретить как раз свою половину, обоим охватывает такое удивительное чувство привязанности, близости и любви, что они поистине не хотят разлучаться даже на короткое время. И люди, которые проводят вместе всю жизнь, не могут даже сказать, чего они, собственно, хотят друг от друга. Ведь нельзя же утверждать, что только ради удовлетворения похоти столь ревностно стремятся они быть вместе. Ясно, что душа каждого хочет чего-то другого; чего именно, она не может сказать и лишь догадывается о своих желаниях, лишь туманно намекает на них. И если бы перед ними, когда они лежат вместе, предстал Гефест со своими орудиями и спросил их: «Чего же, люди, вы хотите один от другого?» — а потом, видя, что им трудно ответить, спросил их снова: «Может быть, вы хотите как можно дольше быть вместе и не разлучаться друг с другом ни днем, ни ночью? Если ваше желание именно таково, я готов сплавить вас и срастить воедино, и тогда из двух человек станет один, и, покуда вы живы, вы будете жить одной общей жизнью, а

когда вы умрете, в Аиде будет один мертвец вместо двух, ибо умрете вы общей смертью. Подумайте только, этого ли вы жаждете и будете ли вы довольны, если достигнете этого?» — случись так, мы уверены, что каждый не только не отказался бы от подобного предложения и не выразил никакого другого желания, но счел бы, что услышал именно то, о чём давно мечтал, одержимый стремлением слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо...»

«Уметь сказать, что связало нас за долю секунды без его присутствия? Мне не высказать и не выразить, даже если взорвётся снаряд за домом, а перед этим вычертит на небе — намёком на облака — „А надо бы“».

Начало

Я НАТКНУЛАСЬ на него в сети 31 октября 2010 года. Сердце моё удивилось. Тогда же я оповестила его об этом. Следующим образом —

«Это фигня, мойка туалетов гораздо приятнее, чем какая-то фотография и графический дизайн. Вот я в мойку унитазов всю свою душу вкладываю, можно сказать». Ваши слова меня поразили.

5 декабря я бесповоротно нажала enter, давая этим согласие, что голова моя в рассудке и... «Я тебя люблю, хоть и не должно вроде так. Говорят, ты там болен, а я даже переживаю».

Начинаю эту запись (не знаю, какой по длине она получится и каким всё-таки будет финал) сегодня — 11 февраля 2011 года.

Недавно болезнь представилась, и я тут же спросила у неё: «Почечная недостаточность, ты это серьёзно?».

Уже полгода он не был причастен к царству безграничных возможностей.

Слишком объёмным покажется, если я буду пересказывать всё, что тогда узнала и узнавала о нём.

Но я чувствовала абсолютное родство; направления моей души совпадали со стремлениями его. Какая-то общность двигала нами.

Да, я знаю, что он в больнице, но не знаю, в какой; и не знаю, в какой он сейчас стране — странник по натуре, родившийся в Набережных Челнах, родившийся в США, родившийся на шести континентах заново, но не ведавший, где его дом. Возле него временами были деревянные жилища, перевозочные средства, разделяющие дни — прохожие, но в нём неизменно ни капли чувства, которое принято противопоставлять одиночеству.

Он существует, и я хочу сказать над его ухом «Эврика», хочу, чтобы в один из дней облеченная в плоть встреча открылась нам.

Сказочное

СЕГОДНЯ ВСТРЕТИЛА ЕГО в группе Work and travel USA. Он негодовал по поводу мороженщиков и их ужасных коробок с колёсами, шумяще-визжащих коробок, нарушающих тишину в Бронксе.

Миновал второй день. А я уже не уверена, насколько высока планка моей глупости. Насколько я всё это выдумываю? И всё-таки, что же я ему скажу, когда пронесётся в толпе... Я просто вручу ему это. Как трофей, как искусство терзаться, как неспособность быстро одёрнуть его и начать, начать рассказывать, свою эту сказку.

Я увидела его среди других и узнала. Верить, что есть место случайностям, — не про меня. Оборачиваться и сомневаться мне не прельщает; сердце подскажет мне, частота биений, открытые глаза, но никак не размягчённая область, отвечающая за мечтательность, узнать, преувеличиваю я эту значимость или нет.

Слишком много сказок?

Да, был Петербург. Далёкий, как Луна. И невозможность туда примчаться. И персонаж, покрытый, как плесенью, алкоголем. Звонил по ночам и пересказывал «Москву — Петушки». Потом он пропал: стало быть, увели за собой рецепты Ерофеева.

Была Англия. Далёкая, как Сатурн. И мечты. Собирались приобрести трейлер, плеер и зелёный плед. И осталось теперь взаимное уважение, обсуждаем копилку фильмов.

Если это сказка, то что же? И сказки имеют право на существование.

Но простите, слишком доверяю я своей интуиции, которая при явных и истинных вещах зажигается зелёным огоньком: «верно, что ты идёшь».

Когда падают горы

ОН В РОССИИ! В середине августа написал, что скоро будет в Казани. А через неделю — о болезни. «И только Бог теперь знает, что дальше».

Думаю, вскоре мне придётся услышать голоса всех представителей трубок — во всех гемодиализных центрах Казани.

Чингиз Айтматов рассказывает, что переставал пульсировать там, — по той же причине, что и мой будущий человек, устал выживать, я жалею его и берусь читать «Белый пароход». Я благодарна ему и сажусь на Белый пароход.

«Здравствуй, белый пароход, это я!»

Нужно узнать, сколько от моего города — до Казани. Глобус намекает, что расстояние не иначе, как жмёт ему. Поверить не могу, что сейчас он так близко. Но лучше поверить — чем приближать к себе Америку с её жесткими и не отпускающими кроватями.

Я в этих строчках уже не из-за своих прихотей — теперь я страж Дамоклова меча, хоть и скованный по рукам и ногам. Но дух свободен и волен, он умело проникает в замочные скважины...

*

Я СЛЫШАЛА шлёпанье босых ног по палубе и вглядывалась в сумеречные силуэты. В письмах медлила на буквах, которые слагают

имя твоё.
И вальсировала вместе с ветром,
когда
ощущала
его волнения,
Ведь мне казалось,
это ты.

Я не просыпалась, когда мне снились
кошмары,
В отрывке сна дребезжал восход.
Одну из смертей окружал рассвет.
Я не просыпалась, мне казалось,
это ты.

Когда сама по себе
включалась вода,
я не боялась,
я знала:
ты вспомнил о чистоте.
Когда сам по себе переворачивался корабль, я
просыпалась.

Мне не страшно было потом распорядиться
собой
и выйти,
сделать шаг
на мертвые покалеченные
улицы,
это ты
заботился о моем спокойствии.

А рядом не было никого.

2009

Небо сеурасаари

Я В РОССИИ. Ты на скалистом острове близ
Хельсинки. Ты в центре Хельсинки. Ты часто
думаешь обо мне. А я в России.
Я в Сибири.

Я в своей квартире одна.
Часто, когда я слушаю музыку, она звучит и в
твоей квартире.
Когда ко мне приходят гости, ты слышишь
наши разговоры.
Когда гости уходят, ты слышишь моё дыхание.
Какими ещё моими звуками наполнен твой
дом?
Какими ещё моими гудениями, грохотами,
громами, взрывами?

Всплесками, скрипами, шелестами, аккордами.
И ты всё это слышишь.

Часто тебя будит русское доброе утро.

Часто меня убаюкивает финская колыбельная.

Я замерзаю в тёплой комнате, пока открыты все
окна в одном из домов на проспекте
Маннергейма.
Я греюсь, пока откалываю от солнца маленький
кусочек.
Я ослепляюсь в тёмной комнате. К тебе
постучалась солнечная птица, и ты её впустил.

В июне мы охвачены священным обожанием
неба Сеурасаари.
В сентябре придумываем своё кино и не
выставляем его на конкурс.
В ноябре мы встречаем Санта Клауса.
В декабре...
Я люблю финскую зиму.
Мне завидуют все люди, любящие снег,
находящие его у меня и не находящие у себя.

Через пространство, путаясь в языках, через
день, через пространство, через год, год через
год, мы встречаемся, находимся...
На грани...
це.
Ждём встречи.

Я выйду из дома. Пепельно-серый снег накроет
меня. Я захлебнусь улыбкой. И прокричу твоё
имя, которого не знаю...
Спросишь меня: «Rakastatko minua?»
И я отвечу: «Люблю...»

2009

Код один — безрадостные гудки

(8432)38—93-13(8432)382205
382277(8432)341—854(8432)78—88-
95(8432)35—38-92(8432)261—74-
22(85512)315—036.

Это не шифр, который нужно разгадать,
здесь не спрятаны координаты, через которые
возможен завоз химического оружия.

Это всё те же, слышавшиеся номера диализных
центров Татарстана.

И да, я их набирала. По одному, как просну-
лась — вчера-сегодня-завтра.

«Такого нет» — наверное, это так легко сказать.

И «большое спасибо» — это так тяжело слышать.

Я посылала сообщения на почту его отцу. Если бы: пришёл ответ, а он был в России, и в нём была Жизнь... Я бы поблагодарила весь мир. Я бы поблагодарила каждого по-отдельности, даже если он и не в России. Даже если и не было бы ответа.

Звонила в Набережные Челны, в Альметьевск, в Казань, сорок один центр диализа и в Москве в одну неделю услышал одну и ту же призывающую речь...

Знакомилась с его земляками, с земляками его родителей, с земляками третьего от нас поколения родственников, требовала у них телефонные справочники, двадцать семей с Гафиятуллина 51б в один день не прониклись моим «пожалуйста».

Не спрашивая разрешения у Кристины Киршнер и Хулио Кобоса

В АРГЕНТИНУ на Пмж?

Ты полоумен: на твоём пути появился — даже президент в неглиже, но только не я.

Выискивал и не вмещался в их схемы — пустейший сценарий жизни.

Перекидывал через себя край света; встречал и японку и кабардинку.

А теперь — не обознайся: крест или галка, решая дилемму, ты ли моя половинка?

Да, здесь всех пришивают к машине, квартире, работе; нитью, кого-то — цепью. Я одна убежала — пустыню и степью дикой. Не гипербола: золото — ты, а литота.

В Кордову и Сальту! Гладить пум и шиншилл. Заворачивать «принятость» в чужую банкноту...

Я реальна — как бы кто ни шутил!
Смотришь ли испытующе? Это я — к тебе
вполоборота.

*

Ей не представить жизни в Аргентине.

Той, которой не суждено разорвать пуповину, думается, что лучше всего в России.

Она, учившись только вере, меняет ортодоксию на ортодоксию.

И принципы её — невыездные: без неё не лягут спать Кришна и Шива.

А как же аграрного конкурса для суперслива?

Засохнет, бедная, без тщательного полива.

Ребёнку кричит — не вякай, останешься без подливки. А он без ума от канала discovery. Для сына — «глаза протри, глазей из окна на ель» — задумана перспектива.

Ты каждую звал раза три.

Чувство имею.

И если твоё предложение в силе, сожги свои яхты, виллы и прочее, увези меня жить на обочину.

На самый северный полюс, в сосредоточие узелковое всех земных полос.

Шубомашины, бриллианты, не от сердца подарки различные,

купленные за/

ведущие в

хлябь темнотыщи,

будешь протягивать в следующей жизни, когда

станешь снобом, а я твоей мышью.

*

Я пытаюсь представить, как ты жил в этих странах. Как ходил по земле, как искал свою веру. Ты выбрал дорогу из самых странных, наплевав на карьеру.

По одному на каждую, 12 религий — 12 фанатов правил.

Любители строить храм приглашают того, кто правит.

Тебе нужен был Бог — и ты правильно сделал, что простился и вышел — ведь до Бога там никому нет дела.

Он тоже, как ты, стучался, но бросил,

и сел у порога,

взгляни на него, на любого другого

ласково —

больше он ничего не просит.

Ты назвал свою веру — свободной, преодолев все границы подножий и свечек,

ты оставил всех тех, кто воск любит больше, чем свет.

*

Четвёртый день августа, и недавно (по велению звёзд ли) я сводила на УЗИ вашу переписку с А. К., и теперь ты для меня с августом 2010 в Бугульме. Несмотря даже на то, что остальные уже пожали руку Августу-2011.

Воображение: обстановка больницы, твоё одеяние, мой бесслёзный таймер (регулятор-выдержки-времени), установленный на 2 минуты, твой немой вопрос, мой словоохотливый восклицательный знак (!)

Мозг: нужно поехать туда после института/экзаменов/сессии

Душа: но умеет ли любимая душа договориться с почками?

Я люблю тебя. Какое это прекрасное слово и чувство. Они сильнее и ярче всего в мире, оно нокаутом вольно положить все ложные вещи в мире, оставив метку: «мертвечина». Оно не хочет даже отвлекаться от самого себя, чтобы ещё раз проверить все конфессии, религии, партии и парты, и ещё раз взглядом показать, что оно «вне».

Она заслоняет все мои мелочные мысли, оголяя меня, давая в зеркальном мире увидеть, что я — чистый, полый сосуд, наполненный ею.

Она удаляет все мои убеждения и игриво нажимает Esc, когда страница наполнена точными выводами и рецептами. Она — ключ, который способен разжать все зажимы жизни.

Она открывает фейсбук всего лишь на минутку, набирает пару строк, уходит и смеётся. А строки такие — Rus, get well, please. Come on, we will create our universe.

Она не даёт мне пользоваться буквами: з, а, б, у, д, ь. Предлагая взамен — В. Е. Р., но мягкий знак всё-таки плетётся сзади, и она разрешает.

Она говорит мне: «Выкини свои кирзовые сапоги, прекрати сомнениями топтать веру. Выкини, я подарю тебе удивительное поле и вы всегда будете ходить босиком».

Она любит Тебя, и она любит меня, и она любит всех детей.

Я знаю, что никогда не будет лучше.

*

Десятое августа и этюд — ключ от Литературного замка, загадка, задуманная Горьким. Тему я выбрала такую — «Смутно пишут о том, что смутно представляют». Я нарисовала посредственностей, а потом безумно больного человека, у которого отсутствовала функция зашоренности. Я узнала Его по его книгам. Я вместе с Ним смеялась, выбрасывая с чердака мыслей залежавшиеся и не мои истины. «Скоро мы встретимся, и нам нашей жизни будет много для того, чтобы жить».

Бугульма

15.34, И Я ПРИЕХАЛА в Бугульму. Я думала: ну вот, ну наконец-то, здесь, ты здесь; женщина-станция (тогда мне казалось, что это сам Господь Бог — в её глазах всё-таки было такое будущее) позволила представить тебя, блуждающего тут по улицам и даже взглядом встречающего поезда, «лёгкобольным гулять разрешается»; путь до ЦРБ — каждый день люди шагают по Тухачевского и каждый день наступают на 14 Павших.

Я. Шла. Туда. И все звуки мне были тише звуков моего сердца. «Завтра ты откроешь дверь, и тогда он откроет дверь в новый мир, в котором ты сможешь открыть двери для вас двоих».

Я люблю болтать с незнакомцами, чтобы в это же время признаваться тебе миллионы раз в любви, утверждаться в тебе, разграничивать вас.

Девушка, о, эта одна из миллиарда, зачеркнуть! никому не показывать это мнение! — она решила продлить и свой вечер тоже — немного прямо, а потом налево, до надписи «больные здесь».

И вопросы: ты тут живёшь? почему не знаешь, где ЦРБ? тут жила когда-то? живёшь недалеко?

Я сказала ей сначала так: приехала, чтобы найти друга.

Потом так: приехала из Тюмени, чтобы найти человека, который не знает меня.

Между скрученным вариантом для ушей девушки и правильным, девушка говорила: вот это дружба! А потом бегала около близковыросших кустов, и даже залезла на дерево (!) в поисках камеры.

— Я могу его знать, как его зовут? И всё-таки, он твой брат, друг, да? Конечно, вы виделись! Да ты никого и не ищешь вовсе? Ты вон в том доме живёшь? Ты меня разыгрываешь!

И всё-таки она сказала вот что:

— Он тебя использует и бросит! Зачем тебе это надо? Ищешь — а он тебе сердце разобьёт!

Я ей объяснила, что и делаю это изо всех сил, чтобы не быть с теми, кто бьёт.

*

12 августа.

Мне сказали, что ты в больнице не находишься. Странно, что я могла разгуливать в тех стенах свободно, проходить мимо палат, заглядывать в глаза пострадавшим: это был не ты; но сердце замирало перед каждой дверью любого отделения; я говорила им, ну поищите хорошо, ведь должен быть, сам говорил, ну ладно, хорошо-хорошо, значит, уехал, но ведь был же!

Главкомандующий уже ушёл к тому времени, и меня определили на понедельник — приходи, и мы посетим с тобой архивы.

А была пятница. Делать было нечего в Бугульме, и всё зависело от внутренней памяти данной больницы. Сложно представить, что ни один журнал в Бугульминской ЦРБ не вписал твоё имя в своё нутро...

Я не знала, что делать, но всё-таки с отчаянием мы не были на одной волне. — Когда только солнышко есть, и ради солнышка можно жить. — Я поручила руль предопределению и поехала в Альметьевск.

*

Водохранилище Бигаши не часто принимает гостей, но в этот раз был особый случай. Белую лодку принесли сюда на закате, и так оставили. Она, успев оттолкнуться от берега, испустила последний вздох, и ветер понёс её вокруг.

Иногда он её переворачивал и закрывал для неё, пусть невидящей, розовое небо. Но не таскал её в разные стороны — она следовала точно по спирали, приближаясь к центру.

В воде, где она — то пролетала, то проскальзывала, можно было увидеть, эпизоды из её жизни. Но там была и чья-то другая жизнь, кого она никогда не знала и не видела.

Альметьевск

ЧТО ДАЛЬШЕ, что теперь? Куда мне себя топтать? Вот остановка, шаг, что после следую-

щего? Я смотрела налево, направо, и везде находила твои следы.

УВД. Не знаю, сунулась бы я сама туда, если бы мне не подсказали, может быть, я встала бы на площади и кричала, позовите р. к., вы знаете р. к.? Прошу, доведите меня до места.

Турникет, отверстие окна, 3 объекта милицейской наружности, слишком бросается в лицо их униформа, но никто не усмиряет. 2156 км. + 1096 км. вдоль железной дороги, понимаете?

Мне даже уходить некуда и их слова «такие сведения не выдаём» хочется выкинуть вон.

Я просила адрес твоего отца, и всё-таки какой-то бегущий мимо милиционер меня выслушал. После того, как выслушал девушку, потерявшую телефон. А я потеряла родственную душу. Я так ему и сказала.

Я выходила с адресом, я его очень благодарила, а он «ничего мне не давал», и его фразу напоследок я не забуду: найдёте вы его, всё хорошо будет.

*

На проспекте Тукая, в доме номер 61 с дробью 1, я стучала в квартиру с цифрой 5, а электрик сказал: я электрик, добро пожаловать в наш приветливый и уютный дом, позвольте поинтересоваться, что привело вас к этой двери в столь поздний час? Я говорила, о, эта длинная история, возможно, она длиннее цепочки из всех ламп, которых вам довелось подержать в руках. — Интересно, интересно, а вы уверены, что судьба привела вас, куда нужно? Я хочу сообщить, что эту квартиру продали, и здесь сейчас живёт очень странный человек. — Премилый электрик, как смешно и забавно то, что вы говорите, теперь у меня нет сомнений, что я в правильном месте.

— Простите, а зачем вам понадобился этот человек? Хотя знаете, нечего стоять (мне не открывали), приходите-ка вы лучше в 5 утра, я обычно вижу его в такое время. То возвращается, то уходит, говорил же, себе на уме.

*

Искала гостиницу. Не рисковала шагать там по Ленина, Гыйльми (мало ли), Мухаммадьяра. Таксист повозил и повозился со мной, а я не расстраивалась/растрчивалась: не дороже, чем в родных краях.

Гостиница закрыта на ремонт. Гостиница открыта на ремонт. Наконец, гостиница, не стес-

няющаяся своей естественности. Наличных нет — а деньги с карты не высовывают нос. Банкомат разочаровался в мире и ушёл от всех. Банкомат на вечеринке. Нормальный банкомат. О, даже ничего, симпатичный банкомат.

А также склонила водителя найти мне разумный гастроном с адекватной едой и обязательно вот с такими вот смузи. Храни, Господи, универмаги с фруктами от воров и нечестивых. И оставь Ты их двери открытыми в ночное время. Слава во Веки Веков. Аминь.

*

Утром электрик тоже пришёл.

И я виделась с твоим отцом. Говорила, как могла. Он тоже совсем ничего не знал. Я поведала. Опять говорила, как могла. Потом мы ходили куда-то. И потом всё.

Два дня я провела в гостинице, и что-то во мне было скомкано и подавлено.

*

*Озеро не отражало больше ни ветви деревьев,
ни облака. На водной глади безошибочно
воссоздавалось прошлое молодой лодки.
Аккуратно вырисовывалось на каждом метре
пути, превращая водохранилище в мозаику.
А лодка плыла и плыла... Сердцевина водоёма
притягивала её, приближала — к центру,
средоточию всего.*

Бугульма

ВНОВЬ В БУГУЛЬМЕ. Я наполняла заявление парой строк о тебе, при этом думая, как же просклонять это священное имя... И медсестра (любящая пить чай и угощать чаем других) разукрашивала лист, только увольнением с поста, и всё лишь потому, что какая-то женщина посмела повысить на неё голос и превысить полномочия как прямоходящего с крупницей разума примата в смысле суждения другого, а суть вот в чём: у тебя слишком много кружек для чая, но ни одну ты не помыла! И она увольнение сопровождала словами: да как она смеет, и откуда она знает, да она ни в чае, ни в посуде ничего не смыслит!

Здесь же — девушка-врач рассказывала другой похожей, что кто-то её любит, а она ещё думает, но он вроде ничего; а мне-то, Даше, сложно слушать такое и воспринимать, ведь всё хо-

чется примерить на себя, а это ну никак, это невероятно нелепо, чтобы когда-то, в этой жизни, я допустила возможность изменить ритму испытаний и счастья, влюбиться в какого-то бугульминского паренька и реально рассматривать с ним вариативность то встреч и свадьбы, то просто свадьбы и переезда в его квартиру, где не подклеены обои за кухонным столом и шторы с узорами астр уже год как не стираны.

Больничные люди, проверив архивы, отнекивались, такого, у нас нет и не было. Ну что вы, мы-то хорошо проверили, а если вы тоже хотите поучаствовать, то милости просим, пройдитесь по всем палатам, особенно, в 6 и 8, там под кроватями тёмные углы, зайдите, забегите в уборные, и в кладовые, а прямо по коридору у нас находится машина времени, введите туда нужную дату, да-да, всё исправно, всё работает.

Вот так вот я точно убедилась, что тебя там не было, если ты только не прятался на крыше.

*

И как только умеют главные врачи угадывать болезнь по профилю, по характеру носа, по расположению бровей, как только сразу вывешивают на речь диагноз — этого мне не понять, но у одного из них сорвалось с языка: «почечная недостаточность так долго не достаёт больного, помучает с месяцок-6, но редко — больше, так что знакомый ваш в психоневрологическом или наркологическом диспансере, притаился, думается, в больнице одного из городов республики».

Ну, всё, снимаю ответственность за искренность записки для тебя (а значит веру в возможность), написанной в Набережных Челнах на ступеньках наркологического диспансера. Далее найдется пространство в тексте, чтобы описать впечатления от этого ужасного места, и спокойный вздох — люди там находятся не дольше двух недель. Какие противоположные мнения бытуют в мире врачующих владельцев страданий.

*

Заплатив двенадцать рублей в здании Пооочты Роооссии (так грандиозно, как это любят телевизионщики), попыталась воспользоваться с лишком медленным интернетом, предупреждая отсутствие его по приезде в Набережные Челны. Отступила, подумав, что узнаю у прохожих — адреса диспансеров и клиник. А также, я ехала в

тот самый город, в котором, по словам Ромы Зайцева, виртуального шалунишки, присваивающего смерть всем исчезнувшим, не дай Бог, был самый лучший человек, но уже недвижим. У Бога нет мёртвых. У меня нет мёртвого тебя. Никогда.

*

Водоём начал замерзать, когда Белая лодка достигла своего апогея, и скоро картина её прошедшей жизни затвердела. Наступил мёртвый сезон, безвременье.

Только где-то вспыхивали ещё живыми и колоритными тонами новые сюжеты, прорезывались только возникающие действительные события...

Набережные Челны

ВОТ ОН, ТВОЙ рождественский город.

Позвонил Пётр-дальнобойщик, сосед по плацкартной — из Москвы — жилплощади; спасибо ему. Сам предложил довести и понимал куда, иначе я и не знала бы, как выправить день. «Не догадываюсь, что уж такое эта ситуация, но раз ты ищешь его — значит, найдёшь».

В диспансере мне с порога сообщили, что справок не выдают, но если сильно хочется, то, может быть, на 6 этаже подскажут.

Спустя 150 ступенек — вывеска «мужское отделение», закрытая дверь и кнопка вызова. А там я по неопытности выспрашивала: есть ли такой-то в ваших просторных комнатах, что с решётками на окнах.

— А мы не рассказываем, нельзя.

— Так если он тут, я пройду.

Мне сказали, что такого человека нет, а я в следующий раз уже уверенно говорила, да, конечно, он у вас, здесь, я к нему!

А пока длился разговор, и пока я открывалась унынию, видела настоящих душевнобольных, или просто не таких, как мы. Они ходили от стенки до стенки, туда-сюда, и что-то мычали. Я думала, ну вот разве ты такой?

Ох, как хранят тайну о населяющих этот больной и странный семиэтажный мир!

*

Встретились с Айратом, знакомцем из Литы, и поехали до республиканского центра, специалиста по заболеваниям, опять же, людских особей.

А там всё было намного быстрее. На компьютере заранее обученная женщина проверила, нет — и всё. И не было, не обращался. А потом зачем-то двадцать минут твердила мне, что жизнь-то идёт, и прекрасна к тому же, зачем себя так мучить, рассчитывала, видимо, сколько километров разделяет Их город и Тюмень — не очень, наверно, любит ездить на поездах. Но если ей там платят хорошо, или зять оказался дежнежным мешком, а главное, ею выбранным, и немного — дочерью, потому как гены те же; важно же, чтобы не какой-то загадочный и далёкий, и которого ещё искать надо, а такой, чтобы сам пришёл, чтобы сам просил, чтобы сам предлагал, чтобы забрал, увёз, нежил, лелеял, кормил, обустроил, улучшил; и правильно, зачем ещё что-то в жизни искать, это самое то! Гена прописанный, Гена проверенный, Гена, рекомендуемый всеми счастливыми в браке лицевыми кренделями; — то можно и на самолётах. Летать.

Такие банальности добавлять — не любимое дело, но даже если и 387 километров идти пешком, и на каждом метре сочинять по мантре, или чистить обувь щёткой проходим, сеять ли в этот каждый метр по зерну, то даже и тогда пойду, босиком — это, говорят, для ног полезно. Лишь бы подальше от типичного Гены.

А что про Тюмень я ей сказала — так это мне нет разницы, кто и когда услышит и к вечеру забудет чью-то правду, я даже, наоборот, для себя говорю — затем, чтобы и узнать, какая же это несхожесть в восприятии нашей новой реальности, и насколько различно по своей сути то, что мы всё же ищем.

Но я её выслушала. Может, я и хотела всех слушать. И когда вышла — говорю Айрату, вот всё же будет хорошо (умение в словах поддаваться), вот закончу эту поездку, поступлю в Лит, и буду такая вся нормальная и хорошая. Да ведь? Но он был занят сочинением новых долгодетских стихов.

*

Попробую вместить в момент, когда мы забирались в маршрутку в первый раз, совершенно другую историю. Сначала мы решили податься к недвижимому объекту не такого масштаба спасательной миссии — а всего лишь туда, где профилактируют, куда складывают собственных мужей для отрезвляющего эффекта — трудной жизнью умученные жёны — любящие жёны, видящие в выбранном когда-то человеке — образ Божий; или просто деваться

некуда и бросать как-то жалко, привыкли, следующие кодексу ничего-не-меняющего семейства с заповедью номер 1 — как есть, так и должно быть — хоть молния порази их дом, останутся на месте.

Здесь я подходила более осторожно, и служащие услышали моё спланированное: давайте бумагу, писать буду, этаж забыла!

А когда я смотрела на эти закованные полосатыми железками окна! Когда я слушала (и не знала ещё про недлинный срок), что «вас» оттуда не выпускают вовсе! И не дают общаться, и ни голос слушать в трубке. Я приходила в ужас. То есть, мы все тебя потеряли, а ты просто по необходимости такой оказался забран (причём, мне представлялось — насильно)... Что же могло стать с тобой в таких условиях!

Писала, выдумывала записку, боялась потом произнести твоё имя им, но они на это проще смотрели, просто добившись моей артикуляции, складывавшейся у них перед ушами в определённые звуки, сказали, что человека, в имени которого был бы продиктованный порядок, у них нет. А я поблагодарила Бога и быстро ушла, от этого ужасного места, подалее.

*

Куда мы направились потом? Зашли в два милицейских участка. В первом меня отправили во второй, во втором меня просто отправили.

Парень в милицейской шапке говорил, а вот понравится мне девушка тюменская, затеряется, и будут мне её искать. Это никуда не годится, имел он в виду. Искать посредством милиции родственных душ.

Ну, хорошо, всё-всё-всё, сказала я, пойду я от вас. И было так обидно. До слёз. Впрочем, мне было без разницы, будут они тебя искать, или нет. Я чувствовала, что твоё возвращение не должно зависеть от них.

Мы присели с Айратом на одной тихой лавочке... «То же окно из глаз, такая же возможность смотреть на мир, но подумать только, я теперь никто и ничто, я живу в мире, в котором нет тебя».

И это было больно, и то, что раньше было поднебесной, теперь казалось мусорной свалкой.

Рядом ходили какие-то люди, а мне было на них наплевать, мне было наплевать на судьбу мира и на мою собственную судьбу. И мне было наплевать на всё.

*

У Айрата в доме наступило утро. И оно было таким солнечным, прекрасным.

И мы поехали на кладбище. И сразу я обратилась к управляющей, назвала 14 марта и назвала имя. Она проверила свой журнальчик и такого там не нашла.

Вот так мы разоблачили Рому Зайцева.

Казань

«ТЫ БЫЛ КРАСИВ, как бывают красивы только рождённые дети для своих только ставших мамами... Был красив, как северное сияние.

Ты больше всей моей жизни. Есть ли разница, был ли ты правдой или не был? Ты выше этого, вне параметров истинности.

Ты — чудо в этой Вселенной, и я не перестаю благодарить Её за то, что узнала Тебя.

Палата была выкрашена в нежно-голубой цвет. Выслужило уход на пенсию седое окно. Маловыразительным казался, но слышно было — ведь отзывчив — деревянный пол.

Тёмно-коричневые — твои волосы.

„Здравствуй“ — я впервые взяла в свою руку — принадлежащую тебе, и слёзы мои не могли больше оставаться запёртыми.

Ты не знал меня, но каждый день, до и после, я проникала в тебя, так глубоко в непролазные дебри, когда прохожие не замечали и цветения.

Я продолжала держать в своих двух — твою руку и выговорила: „Если Вы позволите, я останусь с Вами навсегда“».

В республиканской клинической больнице было всё минимально строго и простодушно, можно даже сказать, на крыльце и на пороге рассаженные тётеньки здоровались вопросом: вы кого-то ищете? мы всё узнаем по базе!

Такого рода фамилия присутствовала, и человек такой был, но уже сумел смыться. (У них там есть специальный смыв для отписавшихся от рассылки лекарств, дёргаешь за рычажок, и а-ля русская рулетка.)

Зашла в аптеку — где ещё более понятный почерк? Для меня записали адреса некоторых психиатрических клиник; я купила аскорбиновую кислоту — в знак благодарности. И поехала на такси, потому что нужно было всё успевать до вечернего поезда, теряющего топливо на сотнях километров; к Москве.

Психиатрическая больница имени академика В. М. Бехтерева, Ершова 49. Вот где мне действительно захотели помочь. Встретившая женщина позвонила заведующему, и хотя время вышло, он посмотрел все списки и нам ответил.

И знаете?

Он там был. Два или три года назад, в 2009 году. У меня билось сердце, и я спрашивала: свежих дат нет?

Во втором мужском отделении, где мне разрешено было поинтересоваться, я показала твою фотографию, вот он был? Они вынесли бумажку с именем — К.Р.Р., Альметьевск.

Они рассказывали про твоё нахождение здесь, показали даже стол, за которым, и стул, на котором «он сидел, переворачивал с боку на бок кашу и смотрел в смартфон».

— Кто такие психбольные?

— Это люди, отличающиеся нестандартным мышлением и поведением.

Это замечательный комплимент тебе, и мне всё стало ясно.

Мне не нужен кто-то нормальной. У тебя идеальная ненормальность. Ни больше, ни меньше, в самый раз. Но и без ненормальности я тебя люблю. Я люблю тебя, даже когда ты высотник плотник работник шестиклассник кассир банк кассета прямая доска полосатая зебра. Я люблю тебя. Выходи за меня на рынок торговать.

И, конечно, как и другие люди в других местах, у них тоже оказалась своя точка зрения на твоё положение. У людей отсюда большой шанс переселиться в психиатрическую тюрьму, они же странные, что вы хотите, убьют кого-то или своруют ручку parker, и их оправдают в слабость ненормальности, поэтому только в психлечебницу, но с наручниками не из тряпок — ручки parker воровать нельзя! это большой грех! и только молиться, чтобы тюрьма их вразумила.

*

Следующим бонусом от участников движения в поддержку больных и ищущих стал номер службы 0-53 и поднесённая ко мне трубка.

Я назвала имя, фамилию и отчество. Эти девушки-голоса откуда-то всё знают — вот заключение: ни в тюрьму, ни в больницу — никуда не попадал, не забирали. Полегчало — гипсopotам мой спустился с шеи.

И вот в ту самую минуту, это было именно тогда, я в последний раз убедилась и уверилась в давнишней своей версии добровольного ис-

чезновения. И голос в трубке сказал: «Да, живёт где-то один».

А женщина, впустившая, предоставившая карту здания, разговор с поисковым отрядом, вселила и надежду, на вопрос: «Верите ли вы в Бога?» — ответила: «Все мы под Богом ходим».

*

И вот тогда я вышла. И я поняла, что в Казани уже никуда не пойду. И я знала, что уже вообще нигде по таким заведениям не пойду и с голосами разговаривать не буду.

И во дворе больницы я сидела долго. Потому что ты там был. Немного невероятно — но я всё время верю и пытаюсь передвинуть пласт времени, чтобы увидеть тебя и почувствовать — верю и пытаюсь. Я сидела на лавочке и солнце по мне лазило, впрочем, кошка тоже по мне лазила. Кот маленький. Это так чудно и дивно — этот кот сидел у фонтана и на меня не смотрел. И я в уме загадала, если придёт ко мне и станет прижиматься, тогда я встречу тебя. И он тут же соскочил и полчаса не то, что тёрся об меня, елозил на мне, разлёгся и переворачивался за чем-то. Такой маленький, полосатый, и шерстяной ещё.

*

В поезде одна из моих попутчиц стала рассказывать: знакомый семьи ушёл, просто исчез. И ничего. Прошло двенадцать лет. И через двенадцать лет его случайно встретили в Москве. **ОН НАЧАЛ НОВУЮ ЖИЗНЬ. ОН ЖИЛ ДРУГОЙ ЖИЗНЬЮ.**

На московской платформе на следующее утро я подошла к ним и напоследок задала вопрос: «Но люди ведь имеют свойство возвращаться, да?»

И одна сказала: «Конечно» — и улыбнулась. Как будто мне действительно так необходим был её ответ.

*

Сентябрь-декабрь. Зачем нужна была эта жизнь? Я ~~раеьнна~~ просыпалась и не понимала, что от меня требует существование. И иногда я надеялась, что это только период; испытание; нужность; что это лично моя тернистость.

Вынудила мир познакомить меня с Его знакомой — поэтому встречайте его реальную знакомую, а также её слова и замечания:

— Алия, здравствуй, каково твоё мнение, может он сейчас пасти овец где-нибудь в горах?

— Он может спокойно пасти овец, от него всего ожидать можно. Он обалденный человек, не такой, как все, чудной чуток, интересный; и вообще, у меня возникает ощущение, что, общаясь с тобой, я общаюсь с ним — стиль общения. Он такой хитрый, он ведь постарался всех запутать, он любит это дело.

— То есть ты думаешь, что вернётся он в настоящую жизнь, и в интернет придёт и скажет: был там-то, там-то, выводы у меня такие и такие-то, извините, что прибегнул к обману однажды, это всё обстоятельства; а вы тут уже похоронили меня без моего ведома, но это ведь совсем ничего, поскольку я не обидчивый, всё равно я вам рад; так?

— Именно! Как будто он и написал!... Вы так похожи с ним...

«Когда я родилась, я пообещала, если почувствую, что человек — моя половина, я не остановлюсь ни на миг, и не поверю никому, пока не встречу лично с Человеком, лицом к лицу».

*

Тринадцатого января состоялся разговор с Катей, которая холит и лелеет свой эпифиз, с Катей, в которой живут чудеса, и эти чудеса говорят, что у них есть сёстры и братья — во всех других людях.

И один момент в разговоре был для меня, как три тысячи ЕГЭ, нахлынувшие на одиннадцатиклассника в начале учебного года.

— Катя, он моя родственная душа? Почему я это всё так остро чувствую?

— Удивительно, но у вас и правда есть некая связь. Вы даже внешне чем-то похожи.

— Катя, а как ощущается эта связь?

— Если интерпретировать с чем-то земным, то связь с родителями выглядит, как прочная нить, как небольшой канатик. А с тобой таких канатов тысячи... Ощущение, что ты и он, впол-

не возможно, больше, чем родственные души. Вы похожи на нечто одно целое.

*

Даже твоя смерть не сможет меня разубедить в любви к тебе. Даже твой уход, даже невозвращение не заставят поверить, что было иначе.

И я говорю спасибо этому проплывающему облаку, этой звучащей музыке, этой любимой маме, и Богу на облаке, и Богу, поющему песню и владеющему звукозаписывающей компанией, и чуду деторождения, я говорю спасибо. Спасибо, благодарю, благо даря, здравствуйте. Столько много букв и только одна, ненаписанная — настоящая.

*

*Мощная струя со дна Земли растолкала лёд,
вытянулась, подняла лодку и недвижимую
уронила на поверхность. Озеро пошло
трещинами. И лодка, разорванная, холодно
бултыхалась в обломках своей истории
и истории Чьей-то другой...*

*Фонтан неземной силы во второй раз ударил,
и всё водохранилище с огромной форой поднялось
на высоту — и упало, забирая всё изображённое
на зеркальных полотнах, случившуюся жизнь,
так, а не по-другому, с собой. Лодка
проваливалась, скатываясь по водным порогам;
гигантская масса обрушивалась на неё, унося...*

*Водохранилище падало, и совсем не вниз;
застойное спящее озеро гибло и исчезало,
рождая исполинский Водопад.*

*Неудержимо льющийся поток в другое место
и иное время.*

*«И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира средь теней...
Там, где всё сверканье, всё движенье,
Пенье всё, — мы там с тобой живём.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоём».*